

Из обрывочных фраз окружающих Оуян смог выстроить картину того, как и почему была разбита нефритовая печать, а также увидел её осколки, всё ещё лежащие рядом с императором Синхэ.

По странному стечению обстоятельств, взгляд Оуяна упал именно на тот осколок, на котором остался лишь иероглиф «Юнь». И тут, не то чтобы поддавшись порыву, не то чтобы под влиянием какого-то наваждения, он решил взять этот кусочек с собой, чтобы показать своему супругу.

Итак, когда Ван Цзюлин упаковал осколки печати в коробку, чтобы спрятать их, Оуян незаметно применил магию и забрал себе тот самый осколок с иероглифом «Юнь».

Однако Оуян не был мастером гадания и даже представить не мог, что вскоре Ци Юньхэн задумает мятеж, а затем и вовсе завоюет трон, став императором.

— Судьба всегда оказывается куда более причудливой, чем может вообразить человек.

Оуян отогнал эти мысли и вернул своё внимание к происходящему в зале.

Цао Хун, который сегодня представил наследную яшмовую печать, уже стоял на коленях, а внимание чиновников переключилось с Оуяна на вопросы к Цао Хуну и восхваления Ци Юньхэна.

В эпоху, пропитанную суевериями, большинство людей верили в волю Неба. Совпадение, вызванное прихотью Оуяна, легко могло быть истолковано как знак свыше.

Печать разбилась, иероглиф «Юнь» остался на осколке — разве это не означает, что судьба всей страны теперь сосредоточена в этом иероглифе?

И именно этот осколок с иероглифом «Юнь» оказался у Ци Юньхэна!

И в его имени тоже есть иероглиф «Юнь»!

Если это не воля Неба, то что тогда можно считать таковой?

Неудивительно, что он смог подняться так высоко!

Неудивительно, что он всего за десять лет смог умиротворить хаос!

Неудивительно, что он, только перешагнув тридцатилетний рубеж, стал императором-основателем!

Если распространить эту историю, кто осмелится оспаривать право Ци Юньхэна на трон и его безграничную власть?

Ци Юньхэн и его чиновники поняли это, но в отличие от последних, которые были вдохновлены увиденным чудом, император быстро пришёл в себя, охваченный смешанными чувствами.

Оглядев зал, Ци Юньхэн сделал знак евнуху Вэй.

Тот тут же поднял свой пыльник, шагнул вперёд и громко провозгласил:

— Тишина!

Шум в зале мгновенно стих, чиновники прекратили обвинения и восхваления, устремив взгляды на трон.

— Дорогие мои сановники, — медленно начал Ци Юньхэн, — я считаю, что вопрос о печати прошлой династии не следует спешить закрывать. Как и в судебных делах, необходимо учитывать свидетельства и доказательства, прежде чем выносить окончательный вердикт. Пока мы не найдём доказательств, даже если этот осколок с иероглифом «Юнь» действительно из наследной яшмовой печати прошлой династии, мы не можем утверждать, что Цао Хун, представивший её, обманул трон или замышлял недоброе.

Он сделал паузу, давая чиновникам время осмыслить его слова, а затем взглянул на Чжу Бянь, стоявшего в первом ряду:

— Чжу Шаншу!

— Ваш слуга здесь, — быстро вышел Чжу Бянь.

— Бывший евнух прошлой династии Ван Цзюлин находится под стражей в Министерстве наказаний. Его показания поручаются тебе.

— Ваш слуга принимает повеление, — поклонился Чжу Бянь.

— Главный управитель Вэй! — Ци Юньхэн повернулся к евнуху Вэй.

— Ваш слуга здесь, — тот тут же обернулся.

— Внутренние хранилища дворца находятся под твоим управлением. Проведи тщательный обыск, попробуй найти осколки печати.

— Ваш слуга принимает повеление! — поклонился евнух Вэй.

— Командующий Пань, — Ци Юньхэн назвал следующего.

— Ваш слуга здесь! — начальник Стражи Золотого Клинка Пань Учунь вышел вперёд.

— После окончания собрания «хорошо» поговори с Цао Хуном, выясни все детали этого дела.

— Ваш слуга принимает повеление! — Пань Учунь принял приказ, а затем одарил стоявшего рядом Цао Хуна широкой улыбкой:

— Господин Цао, после собрания не спешите уходить.

Цао Хун не ответил и не поднял головы, спокойно стоя на коленях и ожидая дальнейших указаний от Ци Юньхэна.

Император не забыл о нём и, отдав приказ Пань Учуню, повысил голос:

— Цао Ланчжунлин!

— Ваш слуга здесь, — Цао Хун тут же выпрямился.

— В любом случае, ты не должен был приносить личные вещи на собрание без разрешения. Я наказываю тебя десятью ударами палками. Есть ли возражения?

— Ваш слуга благодарит за милость! — Цао Хун тут же поклонился в знак благодарности, его напряжённое тело невольно расслабилось.

Наказание только ударами палками, без лишения должности, означало, что он не будет уволен. А то, что ему предстоит поговорить с начальником Стражи Золотого Клинка, означало, что эти десять ударов, какими бы сильными они ни были, не лишат его жизни.

В этот момент Цао Хун невольно подумал, что новый император действительно милосердный правитель.

Однако Ци Юньхэн в данный момент думал не о милосердии и не о том, чтобы просто наказать Цао Хуна.

Это дело ещё далеко от завершения!

Но сейчас император хотел как можно быстрее закончить это бурное и насыщенное событиями собрание, взять своего супруга и вернуться во дворец, чтобы «хорошо» поговорить.

Передав печать, представленную Цао Хуном, на хранение евноху Вэй, Ци Юньхэн оглядел чиновников и, не увидев желаний продолжать беспорядки, торжественно объявил о завершении собрания.

С возгласом евноху Вэй «Проводим Его Величество!» чиновники дружно склонились, провожая Ци Юньхэна.

Император сдержал своё беспокойство, спокойно встал, покинул трон и спустился по ступеням.

Однако он не ушёл сразу, остановившись на стороне военных и окликнув Оуяна:

— Супруг, пойдём со мной во дворец.

Оуян сжал губы, выпрямился и быстро подошёл, следуя за Ци Юньхэном.

Тот снова зашагал, уводя за собой длинную процессию из Дворца Сюаньюань.

Покинув дворец, Оуян не получил привилегии разделить с императором паланкин, но самообладание Ци Юньхэна длилось лишь до возвращения в Чертог Цянькунь.

Едва войдя внутрь, император схватил Оуяна, увлёк его в боковую комнату и повалил на кровать.

В этот момент Ци Юньхэн всё ещё был переполнен сложными чувствами, и вместо слов он предпочёл выразить их действиями.

— Чунъянь, позволь мне хоть раз дать волю! — забыв о своём титуле, Ци Юньхэн наклонился, одной рукой схватив Оуяна за плечо, а другой — за щёку.

Оуян сглотнул, не зная, как поступить.

Интуиция подсказывала, что если он поддастся, то последствия будут неприятными. Но если он будет сопротивляться, то, учитывая возбуждённое состояние Ци Юньхэна, без серьёзной драки ему не выбраться.

Пока Оуян колебался, Ци Юньхэн уже не мог ждать и, наклонившись, укусил его за кадык.

— Ах!

Оуян невольно вскрикнул, инстинктивно пытаясь оттолкнуть его, но Ци Юньхэн схватил его за запястье и прижал к изголовью.

В тот момент, когда его рука была схвачена, Оуяна осенило — он уже слишком привык потакать этому человеку, и теперь пытаться провести границу и установить правила было слишком поздно.

— Только не слишком... безрассудно, — мысленно вздохнул он, закрыл глаза и расслабился, позволив Ци Юньхэну взять всё под контроль.

Ци Юньхэн что-то невнятно пробормотал, уже спускаясь с шеи Оуяна на грудь.

.....

.....

Евнух Вэй лениво стоял у двери, игнорируя звуки из комнаты.

Ещё когда Ци Юньхэн и Оуян, споря, вошли в Чертог Цянькунь, он уже отослал всех неопытных слуг, оставив только двух своих подчинённых, которые вместе с ним бывали в Летнем дворце, чтобы те стояли у дверей и ждали вызова.

Можно назвать это самообманом, можно — лицемерием, но даже если однажды правда выплывет наружу, они, слуги, должны сделать всё возможное, чтобы скрыть истинные отношения императора и его супруга, пряча их как можно дольше, пока никто не посмеет их осудить.

[Авторское примечание: «Судьба всегда оказывается куда более причудливой, чем может вообразить человек».]

<http://bllate.org/book/16203/1454443>